

В. И. Ленин и эмпириокритики о материи. Окончена ли дискуссия?

А. В. Антонов

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Российская Федерация, 614990, Пермский край, Пермь, Комсомольский пр., 29
Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Для цитирования: Антонов А. В. В. И. Ленин и эмпириокритики о материи. Окончена ли дискуссия? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 1. С. 16–29. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.102>

Проблема материи в философии вновь становится актуальной. Пока это вряд ли похоже на кризис начала XX в., когда речь шла о «растворении» материи в математических формулах. Но появление в физике термина «темная материя», которая неясно чем отличается от знакомой нам «светлой» материи, по сути, ставит вопрос о ее «удвоении» и заставляет вспомнить, что нынешнее определение материи в философии сложилось в итоге дискуссии по поводу способа ее существования между В. И. Лениным и эмпириокритиками. А значит, и любые попытки определения материи не могут обойтись без нового взгляда на старую дискуссию, представленную в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Между тем в последние годы возникло стремление отлучить Ленина от философии и представить его в качестве рафинированного политика. Поэтому значительное место в статье занимает анализ несостоятельности этих попыток. Но делается это не для того, чтобы вывести Ленина из-под критики: как философ Ленин не нуждается ни в чьей защите, — а для того, чтобы парадоксальным образом покритиковать ленинское определение материи с точки зрения разделяемых самим же Лениным положений диалектического материализма. Автор обращает внимание на то, что в ходе дискуссии столетней давности «основной вопрос философии» об отношении материи к сознанию рассматривался Лениным лишь с двух сторон — онтологической и гносеологической. В то время как предложенный им принцип тождества диалектики, логики и теории познания требует рассмотрения доводов, звучащих в дискуссии, также и с логической стороны. Последовательное же рассмотрение основного вопроса философии средствами диалектической логики, по мнению автора, должно вести к коррекции ленинского определения материи.

Ключевые слова: Ленин, эмпириокритики, основной вопрос философии, материя, диалектика, логика.

В. И. Ленин как философ в зеркале журнальной критики последних лет

Как вся русская литература, по замечанию В. Г. Белинского, вышла из «Шинели» Н. В. Гоголя, так и вся советская философия — не столько из «Капитала» К. Маркса, сколько из «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленина. Да и се-

годня учебники по философии определяют материю в основном по-ленински, хотя, как правило, и без упоминания его имени. На это обращает внимание, например, А. А. Лебедев [1, с. 54].

Между тем в последние годы статус В. И. Ленина как философа, а заодно и его учения о материи начал подвергаться сомнению. В этом убеждает анализ статей, посвященных работе «Материализм и эмпириокритицизм», вышедших за последние десять лет. В них классическая дискуссия между В. И. Лениным и эмпириокритиками обсуждается уже без всякого пиетета. Главным образом с трех точек зрения.

Первая группа философов, как и прежде, считает книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а также его учение о материи важным вкладом в развитие философии, так как, по мнению, например, В. П. Горана, она включает «материалистическое решение обеих сторон основного вопроса философии — онтологической и гносеологической, содержащее решительное отрицание идеализма в тоже обеих главных его формах — объективного и субъективного идеализма, и отрицание агностицизма» [2, с. 145].

Вторая точка зрения пытается сгладить противоречия между эмпириокритиками и В. И. Лениным. В частности, А. Л. Никифоров обращает внимание на то, что точка зрения В. И. Ленина — это скорее позиция политика, чем философа. В. И. Ленин искусственно «высветил ту сторону учения Маха, которая казалась ему вредной с точки зрения политической борьбы, и подверг ее критике» [3, с. 83].

И, наконец, третья группа философов фактически пересматривает итоги дискуссии между эмпириокритиками и В. И. Лениным. С точки зрения, например, А. В. Емельянова, «философский статус» книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» «весьма спорен» [4, с. 115]. Ленин напрасно отождествил позиции эмпириокритиков и Дж. Беркли, потому что Дж. Беркли — это один из «крупнейших философов Нового времени...» [4, с. 114], а Ленин — всего лишь «упомянутый в заглавии политический деятель...» [4, с. 116]. Суть же полемики между Дж. Беркли и В. И. Лениным А. В. Емельянов усматривает в том, что «Беркли опирался на идеи свободы, либерального способа мышления <...> этот посыл, причем подразумеваемый, а не высказываемый явно, оказался для Ленина тем принципиальным камнем преткновения, с которым было необходимо последовательно бороться» [4, с. 117].

Нам кажется, что здесь ключевое слово у автора — «подразумеваемый», поскольку на страницах книги «Материализм и эмпириокритицизм» мы не найдем никаких следов борьбы «тоталитарного демона» с «либеральными ангелами». Ведь В. А. Базаров, А. А. Богданов или А. В. Луначарский были такими же марксистами, как и сам В. И. Ленин. Следовательно, титаническая борьба за либеральные ценности разыгралась лишь в воображении А. В. Емельянова.

Не нравится работа Ленина и А. О. Коптелову. Он пишет, что «научное и историко-философское значение этой книги малоценно, если не сказать больше» [5, с. 175]. В ленинской книге «под видом “сути” материализма преподносятся схоластические по своему логико-гносеологическому охвату утверждения, которые никоим образом не вписываются в систему естественно-научных аспектаций человеческой деятельности» [5, с. 174]. Иллюстрируя слабость доводов Ленина, А. О. Коптелов приводит фрагмент работы Э. Маха, где тот цитирует немецкого физиолога Э. Геринга: «Как видимая вещь, заходящее солнце есть плоский кругообразный диск, состоящий из желтовато-красного и, следовательно, из зрительного ощущение»

ния. Мы можем его поэтому и назвать кругообразным желтовато-красным ощущением. Ощущение это мы имеем именно там, где солнце нам является» [6, с. 67].

Вот же, оказывается, чего не заметил В. И. Ленин! Из этого отрывка А. О. Коптелов делает вывод, что «ощущения, таким образом, не часть моего сознания, моего “Я”, как думают идеалисты, а они там, где они являются, т. е. вне меня» [5, с. 171].

Допустим, что А. О. Коптелов прав. Где же в таком случае окажутся ощущения, когда солнце вовсе скроется за горизонтом? Последуют за ним? Или исчезнут вместе с солнцем? Ни то и ни другое. Когда скроются последние лучи, зрительное ощущение будет длиться у нас еще приблизительно 0,1 секунды. Это так называемый эффект инерции зрения. А раз еще целых 0,1 секунды наши ощущения будут «находиться» там, где солнца уже не будет, значит, на самом-то деле, они будут находиться в другом месте, куда помещают их не только идеалисты во главе с В. И. Лениным, но и большинство философов, — в человеческой голове. Так что новейшие «аспектации человеческой деятельности» А. О. Коптелова, по сути, возвращают нас к долокковским временам. Ведь уже Локк относил цвет к вторичным качествам предметов.

Те, кто считает В. И. Ленина дилетантом, должны хотя бы определиться с тем, о каком времени идет речь. В 1899 г. в одном из писем А. Н. Потресову Ленин, действительно, сообщал: «...очень хорошо сознаю свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь» [7, с. 31]. И даже в 1906 г. Л. Аксельрод (Ортодокс) вспоминает, что Ленин просил ее вступить в полемику с А. А. Богдановым [8, с. 171], так как не до конца был уверен в том, что сможет это сделать самостоятельно. Однако к работе над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин приступил уже после того, как целый год просидел в библиотеках, изучив, как подсчитали исследователи, «более 200 философских и научных источников» [9, с. 90]. Поэтому на момент написания книги (1909 г.) Ленин как философ был уже вполне на уровне своего времени.

К тому же мы знаем, что философское развитие В. И. Ленина на этом не закончилось. Изучение работ Г. В. Ф. Гегеля убедило его в том, что для соединения материализма с диалектикой сделано еще очень мало. Да и сама диалектика обрела для Ленина качество не просто материалистической онтологии. В «Философских тетрадах» он пришел к выводу о тождестве диалектики, логики и теории познания: «...не надо 3-х слов: это одно и то же...» [10, с. 301].

Ленинское определение материи в свете тождества диалектики, логики и теории познания

Казалось бы, этот вывод должен был привести к изменениям в предмете философии. Ведь из него с очевидностью следует, что основной вопрос философии, положенный В. И. Лениным в основу научной методологии в «Материализме и эмпириокритицизме», должен иметь не две, а три стороны: к онтологии и гносеологии следовало бы добавить еще логику.

Правда, книга «Материализм и эмпириокритицизм» вышла в свет в 1909 г., а комментарии к Г. В. Ф. Гегелю появились уже после — в 1914–1915 гг. Но мы знаем, что в 1920 г. книга «Материализм и эмпириокритицизм» была переиздана. Однако в предисловии ко второму изданию В. И. Ленин, вопреки ожиданиям, пишет, что оно ничем, «кроме отдельных исправлений текста, не отличается от предыдущего» [11, с. 12].

По понятным причинам и после смерти В. И. Ленина никто из советских философов не рискнул применить тезис о тождестве диалектики, логики и теории познания к анализу основного вопроса философии, а заодно и к анализу точек зрения в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Но что мешает нам это сделать сегодня?

А как только мы применим логический подход к основному вопросу философии, так сразу станет ясно, что это именно тот подход, которым руководствовался Дж. Беркли в своем отношении к материи. Ленин писал о том, что Дж. Беркли весь вышел из Д. Локка [11, с. 127]. Еще точнее свидетельство английского специалиста по Беркли Кеннета Винклера: «Как и большинство философов, которые систематизировали науки, Локк не говорит, к какой из них принадлежит его собственная книга, но темы книги III (“О словах”), книги II (“Об идеях”) и книги I (“О врожденных понятиях”) указывают на то, что многое из сказанного им принадлежит логике. <...> самые важные из произведений Беркли принадлежат к ней же» [12, р. 1].

В. И. Ленин рассматривал отношение Дж. Беркли к материи только с позиций гносеологии, тогда как для самого Дж. Беркли важнее было именно логическое ее неприятие. Вспомним, как образуются общие понятия у Д. Локка. Беркли описывает это с большой точностью: «...отбросив от отдельных, воспринятых в ощущениях цветов то, что отличает их один от другого, и сохранив лишь то, что общо всем им, ум образует абстрактную идею цвета, который ни красен, ни синь, ни бел и вообще не есть какой-либо определенный цвет» [13, с. 156]. Таким же путем у Локка образуется и понятие материи.

Может ли такая, примысленная нами, абстракция быть субстанцией, т. е. спинозовской причиной самой себя? Разумеется, нет. Вот почему Беркли пишет: «Что вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют — реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что *философы* называют материей или телесной субстанцией. Отрицание ее не приносит никакого ущерба остальному роду человеческому, который, смею сказать, никогда не заметит ее отсутствия» [13, с. 186].

Материя для Беркли — лишь неправильно образованное понятие. За ним ничего нет. «Вы можете, — торжествует остроумный епископ, — если это так уже вам хочется, употреблять слово “материя” в том смысле, в каком другие люди употребляют слово “ничто”, и таким образом делать эти термины однозначными в вашем способе выражения» [13, с. 207].

Но, может быть, так обстоит дело лишь с материалистом Д. Локком? Вспомним, как В. И. Ленин упрекал эмпириокритиков в том, что они трусливо критикуют лишь одного Г. В. Плеханова, боясь затронуть самого Ф. Энгельса! В таком случае давайте посмотрим, как образуется понятие материи у Ф. Энгельса.

Да точно так же, как и у Локка! Вот как об этом в «Диалектике природы» пишет сам Ф. Энгельс: «Материя как таковая — это чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим» [14, с. 570].

После таких откровений, на наш взгляд, трудно не согласиться с В. А. Смородиновым, когда он пишет о том, что «в рамках такого определения совершенно непонятно, как сам Ф. Энгельс умудрился сформулировать *die Grundfrage der*

Philosophie: неужели абстракция может быть первичной по отношению к сознанию?» [15, с. 19]. Выходит, что, критикуя локковскую «материю», Дж. Беркли невольно критикует и позицию самого марксизма.

Однако мы напрасно стали бы упрекать В. И. Ленина в том, что он прошел мимо этой критики. Просто «Диалектика природы» была опубликована уже после смерти Ленина — в 1925 г. Вот почему ему пришлось самому решать вопрос о логическом определении материи. И сделал это В. И. Ленин следующим образом. «Что значит дать “определение”? Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие “осел” под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет» [11, с. 149].

В целом логика В. И. Ленина в книге «Материализм и эмпириокритицизм» давно уже подвергается сомнению. Основные возражения против нее приводит А. В. Ерахтин в статье «Проблема материи в западной и отечественной философии советского периода». Он пишет: «Свидетельством “объективности” материи для Ленина является то, что она “дана человеку в его ощущениях”. Но возникает вопрос: почему только в ощущениях отражается “объективная реальность”, а не во всех формах познания?» [16, с. 66]. А. В. Ерахтин также отмечает, что «в формально-логическом смысле любое философское понятие носит предельно широкий характер, и понятия “бытие”, “материя” и “мышление” перед ними никаких преимуществ не имеют» [16, с. 66].

Нам кажется, что логические промахи ленинского определения материи этим еще не исчерпываются. Ведь сказать, что «материя» — это не «сознание», значит, сказать о ней хотя и верно, но недостаточно. Следуя таким путем, мы даем материи лишь отрицательное определение. Это все равно, что про листья на деревьях сказать: «Они — не черные». Правильно. А какие же?

Само собой, на ранней стадии познания подобные дефиниции вполне приемлемы. Но, к сожалению, они совсем не подходят к материи. Если материя — субстанция, то, значит, и развиваться (что для материи равно определяться) она должна из самой себя, не дожидаясь, пока рядом окажется сознание. К тому же и сознанию нужно какое-то время для того, чтобы появиться. Вот почему В. И. Ленин фактически вынужден был признать: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [11, с. 91]. Но даже отражение должно принадлежать кому-то находящемуся рядом! Поэтому еще логичнее предположить, что материя должна обладать свойством самоотражения, — вывод, которого мы, к сожалению, не находим у В. И. Ленина.

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленину было важно подчеркнуть, что «материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое — вторичное» [11, с. 150]. При этом из всех перечисленных категорий он называл «предельными» лишь «материю» и «сознание». Но действительно ли сознание — предельная категория? Разве психика в меньшей степени идеальна, чем сознание? А ведь это различные формы отражения. И общей для них, а значит, и в самом деле предельной является категория «идеальное». Она-то,

следовательно, и должна противостоять материи в рамках основного вопроса философии. Да, собственно, все философы так и делают, когда приходится отличать материализм от идеализма.

С точки зрения диалектики общими явлениями (а в отражении — и понятиями) становятся те, что возникают в истории первыми. Следовательно, под философской материей мы должны понимать не какую-то среднеарифметическую абстракцию от уже известных нам форм материи, как это делает Ф.Энгельс, а некую дофизическую форму материи, что бы она собой при этом ни представляла. Именно она в силу первичности является основой для всех известных нам форм материи.

При этом мысль о возможности существования дофизической формы материи отнюдь не является в философии чем-то новым. О бесконечности форм материи писал тот же Ф.Энгельс. В.В. Орлов называл ее «субфизическим уровнем материи» [17, с. 38], а А.П. Федяев — «внефизической реальностью» [18].

Однако сегодня наука не знает никакой дофизической формы материи. Поэтому и говорить о ней можно лишь как о некоей абстракции. В таком случае чем же эта «дофизическая» абстракция материи лучше той, о которой писал Ф.Энгельс?

Проверить это очень просто. Если по поводу «среднеарифметической» материи Дж. Беркли иронизировал, что ее можно попросту отбросить — никто этого даже не заметит, то вот с дофизической формой материи так поступить уже не получится. Ведь, уничтожив ее, мы уничтожим и подлинную основу мира, в том числе и самих себя.

Но если логичнее понимать под «материей» еще не известную науке ее дофизическую форму, то, спрашивается, какие же свойства у этой «материи» останутся? Только одно свойство — «быть объективной реальностью». Можно ли согласиться с таким определением? Если материя не дана нам в ощущениях, то как мы вообще можем знать, есть она или нет? Не придется ли нам просто верить в то, что материя существует?

Неудивительно, что В.И. Ленин колеблется в определении того, что такое материя. С одной стороны, «единственное “свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью...*» [11, с. 275]. С другой стороны, во избежание фидеизма приходится вводить ощущения в дефиницию. В итоге у Ленина получается всем хорошо знакомое: «...материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении, и т.п.» [11, с. 149]. Ленин даже не замечает, что подобное определение материи фактически примиряет его с формулой Дж. Беркли: «...существовать — значит быть воспринимаемым».

Логическое определение материи как главный вопрос в дискуссии между В. И. Лениным и эмпириокритиками

Мы видим, что ленинское определение материи, с ее отражением в ощущениях, мало чем отличается от раскритикованных Лениным берклиевских формулировок. Значит ли это, что «Материализм и эмпириокритицизм» ничего не дал философии, как нас пытаются в том уверить отдельные либеральные критики? Вспомним, что поводом для написания книги в начале XX в. стало обнаружение российскими

марксистами того, что «между материализмом Маркса и Энгельса, с одной стороны, и материализмом Плеханова–Ортодокс, с другой стороны, — дистанция огромного размера. Материализм Маркса и Энгельса строго реалистичен — материализм Плеханова иероглифичен. Маркс и Энгельс от эмпирически данных фактов и связей восходят к общим идеям — Плеханов от трансцендентной идеи “вещи в себе” снисходит к фактам» [19, с. 71].

Для материалистов К. Маркса и Ф. Энгельса в реальности существуют лишь сами материальные вещи, а так называемая «материя» или «вещь в себе» — это не более чем собирательное для них название. Поэтому и не может быть никакого противоречия между реальными вещами и вещью в себе. Как писал И. Дицген, «если за “вещь в себе” мы примем мир, то легко понять, что мир “в себе” и мир, как он нам является, явления мира, отличаются друг от друга не больше, чем целое и его части. Мир в себе есть не что иное, как сумма его явлений» [20, с. 30]. Примерно так же описывает материю и эмпириокритик В. Чернов: «... “вещь в себе” не есть какая-то особая реальность, стоящая рядом с другими реальностями, — это не более, как предельное понятие, служащее для закругления нашего мирозерцания. Оправдание для философа, оперирующего с этим понятием, совершенно такое же, как и для математика, оперирующего с иррациональными величинами, как и для геометра, оперирующего с “бесконечностью” как с конечной величиной» [21, с. 43].

Мы видим, что в этом пункте позиции марксистов и эмпириокритиков ничем друг от друга не отличались. Разница была только в том, что, отождествляя науку с философией, эмпириокритики считали понятие «материя» излишним. Тогда как марксисты указывали им на то, что и наука наполнена «пустыми» и не встречающимися в природе полезными абстракциями, такими как «абсолютно черное тело», например.

Но в то же время в марксизме была и другая точка зрения на материю — Плеханова–Ортодокс, — которую многие тогда считали, по сути, «иероглифическим» вариантом кантианства. И повод для таких суждений дал сам Г. В. Плеханов, который писал о том, что он материалистически развивает именно философию И. Канта: «В противоположность “духу” “материей” называют то, что, действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения. Что же именно действует на наши органы чувств? На этот вопрос я вместе с Кантом отвечаю: вещи в себе. Стало быть, материя есть не что иное, как совокупность вещей в себе, поскольку эти вещи являются источником наших ощущений» [22, с. 446]. Однако кантовские «вещи в себе» — это же не реальные вещи, данные нам в ощущениях, а умопостигаемые сущности. Вот почему позиция Г. В. Плеханова вызвала такое бурное неприятие внутри марксизма. А логика последовательного материализма заставила марксистов с большей симпатией относиться к Э. Маху и Р. Авенариусу с их опорой на реальные факты, чем к «патентованному» материалисту Г. В. Плеханову.

Позицию Г. В. Плеханова критиковали со всех сторон. В известном сборнике статей «Очерки по философии марксизма» В. Базаров, например, утверждал, что «плехановская система всецело покоится на чуде. Внепространственная и вневременная вещь в себе совершает явное чудо, когда она, преодолевая законы логики, “причинно” воздействует на наши органы чувств» [19, с. 14]. Над материей как «вещью в себе» иронизировал А. А. Богданов: «... “материя”, “природа”, “вещи

в себе” — это то неизвестное, чем вызывается все известное; и больше об этом неизвестном мы ничего не знаем. Далеко мы ушли? “Усыпительная сила есть то, что вызывает сон”» [23, с. 222].

В. Чернов обращал внимание на следующее противоречие: «...если к миру “вещей в себе” не приложимы никакие категории человеческого мышления, если мы о нем ничего знать и ничего говорить не можем, то как же можно выводить наши представления из “взаимодействия” между вещью в себе и субъектом? Как можно себе представить это “взаимодействие”? Не есть ли самое понятие “взаимодействия” — чисто человеческое понятие? Вводя “вещь в себе” в это взаимодействие, не приписываем ли мы ей поневоле тем самым известных свойств, тогда как, по нашему собственному признанию, мы этого делать не можем?» [21, с. 39]. Одним словом, вывод о том, что «противопоставлять Плехановский “материализм” мистицизму можно только по недоразумению» [19, с. 14], разделялся тогда многими философами.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин старался примирить две линии философского марксизма. Но удалось ли ему это на самом деле? Во всяком случае, и В. А. Базаров, и А. А. Богданов в своих откликах на ленинскую критику писали о том, что В. И. Ленин не смог справиться с этой задачей. В. А. Базаров отмечал, что «...выдвигая против своих противников — зачастую к тому же вообразимых — то трансцендентное, то реалистическое понимание материи, автор беспомощно блуждает между этими двумя соснами на протяжении 400 стр. своего непомерно разбухшего памфлета» [24, с. XXII].

А. А. Богданов же и вовсе нашел у В. И. Ленина не только «трансцендентное» и «реалистическое», но также и третье понимание материи. «Для Плеханова вещи в себе отнюдь не имеют чувственного характера, который свойствен только их “явлениям”, и значит, от этих последних отличаются принципиально. Для Ильина же, как он многократно подчеркивает, “нет иного бытия, кроме чувственного”, и вещи в себе принципиально однородны с явлениями; это не метафизическая, как у Плеханова, а эмпирическая теория отражений. Ясно, что она не сходится с обоими взглядами Ильина на “вещь в себе”, которые были нами отмечены в предыдущем, что перед нами — третья концепция» [25, с. 170].

Для самого А. А. Богданова это не более чем эклектика и путаница, так как о «вещи в себе», с чем соглашается и Г. В. Плеханов, мы не можем иметь никаких понятий, тем более априорно приписывать им эмпирическое существование. А. А. Богданов даже язвительно комментирует известные слова В. И. Ленина о Канте («Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист» [11, с. 206]): «Сие есть наречение материалиста В. Ильина. Изречение, правда, более чем неосновательное, ибо о каком же материализме может быть речь, пока не выяснено, какого именно рода вещь в себе, — напр., не есть ли она божество...» [25, с. 197].

Казалось бы, этот довод А. А. Богданова против эмпирической природы вещей в себе крыть просто нечем. Но мы бы не спешили принимать его. По той причине, что, подобно И. Канту, В. И. Ленин всегда писал о том, что имеется в реальности, а не о том, соответствует ли это общепринятым теориям. Вот и его представление об эмпирическом характере вещей в себе фактически развивает материалистические потенции И. Канта.

Дело в том, что имевший своим источником диалектику марксизм рассматривал развитие как гегелевское «снятие» с удержанием всего положительного. По этой причине тот же Г. В. Ф. Гегель предстал в марксизме как вершина всей идеалистической философии, Л. Фейербах — как вершина всей материалистической, ну а сам К. Маркс, по этой логике, становился вершиной вершин, снимавшей диалектические сливки со всей предшествовавшей философии. При этом само собой получалось, что И. Кант вдруг превращался в недо-Гегеля, а крупные и мелкие философы прошлого, в свою очередь, становились недо-Марксами. И так было не только в советской философии. Нетрудно убедиться в том, что и в марксизме начала XX в. на философию Канта смотрели как раз гегелевскими глазами.

Для Г. В. Ф. Гегеля же «вещь в себе сама есть лишь продукт мышления, и притом только абстрагирующего мышления» [26, с. 117]. Это — «сочиненная мысль вещь (так называемая вещь в себе), пустая абстракция» [27, с. 11]. И вот уже о вещи в себе как об абстракции пишет реалист Ф. Энгельс. С ним соглашается реалист И. Дицген: «Реальное, сущность, или “вещь в себе”, есть создание идеальное, духовное. Сознание умеет суммировать единства из различий» [20, с. 34]. Продуктом логических обобщений является вещь в себе и для эмпириокритика В. Чернова: «Это — остаток от последовательного бесконечного вычитания, это что-то вроде математической точки, не имеющей никаких измерений и оставшейся от реальной “вещи” после того, как последовательно от нее отнято все... кроме имени, кроме голого названия, звука, пустого, бессодержательного, имеющего только отрицательное, “предельное” значение» [21, с. 43–44].

Да и А. А. Богданов рассматривал «вещь в себе» точь-в-точь по-гегелевски: «Когда понятие “вещи в себе” было доведено Кантом до высшей степени философской чистоты, тогда стало неизбежным крушение этого понятия: его логическая пустота и с нею реальная бессмысленность не могли уже скрыться от ножа критики за оболочкой формальной неясности. Оказалось, что это понятие выражает не что иное, как реальность, ощипанную до такой степени, что от нее ничего не осталось. В этом понятии ничего не мыслится — таков его главный недостаток...» [23, с. 108].

Вот только А. А. Богданов напрасно здесь называет «вещь в себе» понятием. В таком виде ее диалектически «снял» только Г. В. Ф. Гегель. Сам же И. Кант говорил о вещи в себе не как о понятии, а как о «ноумене». А это — не одно и то же. Как пишет И. Кант, «если под ноуменом мы разумеем вещь, поскольку она не есть объект нашего чувственного созерцания, так как мы отвлекаемся от нашего способа созерцания ее, то такой ноумен имеет негативный смысл. Если же под ноуменом мы разумеем объект нечувственного созерцания, то мы допускаем особый способ созерцания, а именно интеллектуальное созерцание, которое, однако, несвойственно нам и даже сама возможность которого не может быть усмотрена нами; такой ноумен имел бы положительный смысл» [28, с. 192].

Эту неясную, хотя и глубокую по сути мысль И. Канта следовало бы выразить гораздо проще: будь у нас возможность интеллектуально созерцать ноумен, мы убедились бы в том, что он существует реально. Конечно, автор «Критики способности суждения» отдавал себе отчет в том, что даже при появлении у нас возможности интеллектуального созерцания мы смогли бы увидеть не «прекрасное как таковое», а только прекрасные вещи. Зато мы смогли бы непосредственно наблюдать «эстетический идеал», поскольку при всей его абстрактности это «прекрасный че-

ловек» со всеми его эмпирическими особенностями. Излишне добавлять к этому, что вещи в себе как ноумены мыслились И. Кантом по схеме «эстетического идеала», а не «прекрасного». Вот почему и в полемике с Фихте Кант отстаивал их реальное существование, а не одно лишь существование в сознании созерцающего «Я».

Кант писал о том, что ноумены он ввел для того, чтобы ограничить чувственность, так как «о чувственности нельзя утверждать, будто она есть единственно возможный способ наглядного представления» [28, с. 260]. Однако мы видим, что прежде всего Канту следовало бы отграничить ноумены — «как способ наглядного представления» — от логико-математического их прочтения.

Заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он явным образом вернул «вещам в себе» их неявно выраженный у И. Канта эмпирический характер и тем самым поднял материализм на более высокую ступень даже по сравнению с «реалистами» К. Марксом и Ф. Энгельсом. Однако при этом выяснилось, что преодоленная им «трансцендентно»-плетановская точка зрения на материю так и осталась в противоречии с марксистско-«реалистическим» к ней подходом. Ведь там-то понятие «материи» как раз образуется при помощи логико-математических обобщений. Поэтому приходится признать, что, вопреки славословию советской эпохи, соединить две точки зрения марксизма на материю у В. И. Ленина в книге «Материализм и эмпириокритицизм» не получилось.

Возможное решение проблемы

Однако, на наш взгляд, это легко исправить. Рассматривая Г. В. Ф. Гегеля как недо-Маркса, в советское время не в полной мере учли достижения его диалектики. В частности, фундаментальную мысль о том, что в развивающемся мире более общими понятиями являются исторически предшествующие. И если уж мы рассматриваем материю как субстанцию, т. е. дословно как «нечто лежащее ниже всего», то первоматерией или «вещью в себе» у нас должна быть не какая-то абстракция от уже известных нам форм материи, а исторически предшествующая им форма. А это как раз и будет ноумен «дофизической» формы материи.

Стоит же нам допустить, что «вещь в себе» — это абстракция дофизической формы материи, как мы увидим, что многие возражения против нее, высказанные в ходе дискуссии между В. И. Лениным и эмпириокритиками, опровергаются сами собой.

Во-первых, вещь в себе перестает быть непознаваемой, как это изначально было у Канта, а становится всего лишь непознанной, или «икс». Правда, В. И. Ленин считал, что практика нам дает возможность познать «вещь в себе» в процессе ее превращения в «вещи для нас», и вслед за Ф. Энгельсом приводил в пример получение ализарина из каменноугольного дегтя. Но это было бы верно лишь в том случае, если бы «вещь в себе» обладала конечным количеством качеств. А раз это явно не так, то хочешь не хочешь, приходится признать правоту эмпириокритика В. Чернова: «Что из каменноугольного дегтя “дешевле и проще” можно получать ализарин, этому, конечно, не удивится никакой неокантианец. Но что вместе с ализарином из того же дегтя столь же дешевым образом можно добыть опровержение “вещи в себе” — это, конечно, не для одних неокантианцев покажется замечательным и неслыханным открытием» [21, с. 33]. Во всяком случае, бихевиористы и кибернетики рассуждали здесь более последовательно, вводя свое понятие «черный

ящик». Ведь из-за того, что в ответ на наши манипуляции на входе мы получаем нечто предсказуемое на выходе, черный ящик еще не становится прозрачным.

В том же, что в качестве дофизической формы материи вещь в себе становится познаваемой, сомневаться не приходится. Мало того, она уже и сейчас обнаруживает себя в аномалиях физической формы материи, подобно тому как некогда в явлениях «химического сродства» проявлялось действие еще не открытых на тот момент физических атомов. В частности, с помощью камеры Вильсона мы видим, как из вакуума, т.е. из «ничто» с физической, а не материальной точки зрения, вдруг вылетают пары заряженных частиц. Да и приборы ночного видения дают нам пример того, как вчерашние ноумены сегодня становятся обычными вещами.

Теория относительности А. Эйнштейна когда-то начиналась не с опыта, а с мысленного эксперимента с лифтом. Вполне возможно, что и дофизическая «теория относительности теории относительности» может появиться таким же образом. Допустим, к примеру, что элементарные частицы могут двигаться со сверхсветовыми скоростями. Как же тогда мы сможем определять их местоположение в нашем физическом мире? Нам будет казаться, что они одновременно везде. Но разве не эту картину сегодня нам рисует квантовая механика с ее статистическими закономерностями? Не говорим уж о «черной» материи, которая вполне может оказаться тем самым «не данным нам в ощущениях» дофизическим «иксом».

Во-вторых, при отождествлении материи с ее дофизической формой само собой отпадает и возражение А. А. Богданова о том, что «вещь в себе» может являться божеством. Ее однородность с нами доказывается ее материальностью.

В-третьих, снимается и возражение В. Чернова о невозможности взаимодействия вещи в себе с субъектом. Невозможно причинное взаимодействие с «математической точкой», но не с эмпирическими объектами, пускай и не данными нам в ощущении.

Напрашивающийся вывод

Заслуга В. И. Ленина состоит в том, что его определение материи как «объективной реальности» вырвало ее из рук не только эмпириокритиков, но и вообще всех позитивистов. Их апелляция к опыту — это фактически попытка замкнуть материю в формах, которые нам даны в ощущениях. Но представление о том, что за пределами физической формы материи нет ничего, не менее априорно, чем кантовская «вещь в себе». Поэтому «ощутимую» ленинскую прибавку к определению материи следует рассматривать как излишнюю. В ней выразилась отчаянная и в итоге неудачная попытка Ленина примирить «трансцендентное» и «реалистическое» понимание материи двух разных точек зрения в марксизме. Увы, но это была, как жестко выразился В. А. Базаров, «попытка усидеть между двух стульев».

Если философия как форма мышления не будет стремиться выйти за границы опыта и стать метафизикой, как ее к тому призывали эмпириокритики, то она будет просто не нужна. Вот почему на новом витке познания следует определенно сказать: «Метафизика, берегись физики!»

Из сказанного ясно, что философское определение материи не нуждается в каких-либо ощущениях. «Материя — это просто объективная реальность», без всякого примешивания ощущений в дефиницию.

Кому-то подобный вывод может показаться спорным или, наоборот, верным — в любом случае это свидетельство того, что фактически дискуссия между В. И. Лениным и эмпириокритиками по поводу определения материи так и осталась незавершенной и потому, на наш взгляд, нуждается в продолжении.

Литература

1. Лебедев, А. А. (2010), «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина: интерпретация и (не) понимание потомками — к 100-летию публикации, *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*, т. 190, с. 54–61.
2. Горан, В. П. (2009), Ленинское определение материи в историко-философской ретроспективе, *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия*, т. 7, вып. 2, с. 136–146.
3. Никифоров, А. Л. (2010), Философия науки: В. И. Ленин и Э. Мах. К столетию со дня выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм», *Вопросы философии*, № 1, с. 76–83.
4. Емельянов, А. В. (2011), Ленин versus Беркли: сущность противостояния, *Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика*, вып. 1, с. 114–118.
5. Коштелов, А. О. (2008), Grimасы эмпириокритицизма в зеркале ленинской теории отражения, *Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Культурология*, вып. 6, № 11 (112), с. 165–176.
6. Мах, Э. (2005), *Анализ ощущений и отношение физического к психическому*, М.: Территория будущего.
7. Ленин, В. И. (1975), Письмо А. Н. Потресову. 27 июня 1899 г., в Ленин, В. И., *Полное собрание сочинений*, в 55 т., т. 46, М.: Изд-во политической литературы, с. 28–32.
8. Аксельрод (Ортодокс), Л. (1906), *Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма*, СПб.: Издание М. М. Дружининой и А. Н. Максимова.
9. Бессонов, Б. Н. (2014), О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», *Вестник МГПУ. Сер. Философские науки*, № 1 (9), с. 89–100.
10. Ленин, В. И. (1969), Философские тетради. План диалектики (логики) Гегеля, в Ленин, В. И., *Полное собрание сочинений*, в 55 т., т. 29, М.: Изд-во политической литературы, с. 297–302.
11. Ленин, В. И. (1968), Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии, в Ленин, В. И., *Полное собрание сочинений*, в 55 т., т. 18, М.: Изд-во политической литературы, с. 7–384.
12. Winkler, K. (2002), *Berkeley. An Interpretation*, Oxford: Oxford University Press.
13. Беркли, Дж. (1978), Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия, сост., общ. ред. и вступит. статья Нарский, И. С., в Беркли, Дж., *Сочинения*, М.: Мысль, с. 149–248.
14. Энгельс, Ф. (1961), Диалектика природы, в Маркс, К. и Энгельс, Ф., *Сочинения*, в 50 т., т. 20, М.: Государственное изд-во политической литературы, с. 339–626.
15. Смородинов, Р. А. (2009), Непреодоленный юмизм, *Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания*, вып. 6, № 9 (57), с. 16–20.
16. Ерахтин, А. В. (2014), Проблема материи в западной и отечественной философии советского периода, *Философия и общество*, № 1, с. 55–74.
17. Орлов, В. В. (2010), Проблема материи в современной российской философии, *Философия и общество*, № 3, с. 22–39.
18. Федяев, А. П. (2014), Внефизическая реальность как объект экзистенциального анализа, *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*, вып. 4-1, с. 23–28.
19. Базаров, В. (1910), Мистицизм и реализм нашего времени, в *Очерки по философии марксизма. Философский сборник*, М.: Звено, с. 3–71.
20. Дицген, И. (1941), Сущность головной работы человека, в Дицген, И., *Избранные философские сочинения*, М.: ОГИЗ. Госполитиздат, с. 9–88.
21. Чернов, В. (1907), Марксизм и трансцендентальная философия, в Чернов, В., *Философские и социологические этюды*, М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, с. 29–72.
22. Плеханов, Г. В. (1956), Еще раз материализм, в Плеханов, Г. В., *Избранные философские произведения*, в 5 т., т. 2, М.: Государственное изд-во политической литературы, с. 442–447.

23. Богданов, А. А. (2003), *Эмпириомонизм: Статьи по философии*, М.: Республика.
24. Базаров, В. А. (1910), *На два фронта*. СПб.: Прометей.
25. Богданов, А. А. (2010), Вера и наука, в Богданов, А. А., *Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии*, 2-е изд., М.: КРАСАНД, с. 142–220.
26. Гегель, Г. В. Ф. (1970), *Наука логики*, в 3 т., т. 1, М.: Мысль.
27. Гегель, Г. В. Ф. (1937), Предисловие ко второму изданию «Науки логики», в Гегель, Г. В. Ф., *Сочинения*, в 14 т., т. 5, М.: Государственное социально-экономическое изд-во, с. 6–18.
28. Кант, И. (1994), *Критика чистого разума*, М.: Мысль.

Статья поступила в редакцию 24 мая 2019 г.;

рекомендована в печать 29 декабря 2020 г.

Контактная информация:

Антонов Алексей Васильевич — канд. филос. наук, доц., докторант; akvizit@yandex.ru

Lenin and empiriocritics about matter. Is the discussion over?

A. V. Antonov

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolsky pr., Perm, Permskii krai, 614990, Russian Federation
Peoples' Friendship University of Russia,
6, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

For citation: Antonov A. V. V.I. Lenin and empiriocritics about matter. Is the discussion over? *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 1, pp. 16–29. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.102> (In Russian)

The problem of matter in philosophy has become relevant again. Nowadays, it does not resemble the crisis of the early XX century when a so-called “dissolution” of the matter in mathematical formulae was discussed. However, the emergence of term “dark matter” in physics, which is not clear how it differs from the well-known “light matter”, is obscure and raises the question of the “matter doubling”. This makes one remember that the current definition of matter in philosophy was developed as a result of a discussion concerning the ways of its existence between Vladimir Lenin and empiriocritics. Thus, all modern attempts to define matter cannot exist without a new view on the old discussion presented in the book “*Materialism and Empirio-Criticism*” by Lenin. The author of the article pays attention to the fact that during the discussion of “the main question of philosophy” a century ago, concerning the attitude of matter towards consciousness, it was considered by Lenin only in two aspects, specifically, ontological and gnoseological. At the same time, the principle of the identity of dialectics, logic and theory of knowledge proposed by him demands consideration of the arguments adduced in the discussion as well as the logical aspect. According to the author, the consecutive consideration of the main question of philosophy by means of logic, should result in a correction of Lenin’s definition of matter.

Keywords: Lenin, empiriocritics, main question of philosophy, matter, dialectics, logic.

References

1. Lebedev, A. A. (2010), V.I. Lenin’s “Materialism and Empirio-Criticism”: interpretation and (mis)understanding by descendants — in commemorate of centenary of the Date of Issue, *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 190, pp. 54–61. (In Russian)
2. Goran, V.P. (2009), Lenin’s definition of Matter in the historical-philosophical Retrospective, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, vol. 7, iss. 2, pp. 136–146. (In Russian)
3. Nikiforov, A. L. (2010), Philosophy of the Science: V.I. Lenin and E. Mach. In commemorate of centenary of the Date of Issue of the Book “Materialism and Empirio-Criticism, *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 76–83. (In Russian)

4. Emelyanov, A. V. (2011), Lenin versus Berkeley: the Essence of Opposition, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofii. Psikhologiya. Pedagogika*, iss. 1, pp. 114–118. (In Russian)
5. Koptelov, A. O. (2008), Empirio-Criticism's grimaces in a mirror of Lenin's theory of reflection, *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, iss. 6, no. 11 (112), pp. 165–176. (In Russian)
6. Mach, E. (2005), *The Analysis of Sensations, and the Relation of the physical to the psychological*, Moscow: Territoria budushchego Publ. (In Russian)
7. Lenin, V.I. (1975), Letter to A. N. Potresov. On June 27, 1899, in Lenin, V.I., *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 46, Moscow: Politizdat Publ., pp. 28–32. (In Russian)
8. Akselrod (Ortodoks), L. (1906), *Philosophical Essays. Answer to philosophical critics of historical materialism*, St. Petersburg: Izdanie M. M. Druzhininoi and A. N. Maximovoi Publ. (In Russian)
9. Bessonov, B. N. (2014), About V.I. Lenin's Book "Materialism and Empirio-Criticism", *Vestnik MGPU. Seriya Filosofskie nauki*, no. 1 (9), pp. 89–100.
10. Lenin, V.I. (1969), Philosophical Notebooks. Plan of Hegel's dialectics (logic), in Lenin, V.I., *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 29, Moscow: Politizdat Publ., pp. 297–302. (In Russian)
11. Lenin, V.I. (1968), Materialism and Empirio-Criticism. Critical Comments on a Reactionary Philosophy, in Lenin, V.I., *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 18, Moscow: Politizdat Publ., pp. 7–384. (In Russian)
12. Winkler, K. (2002), *Berkeley. An Interpretation*, Oxford: Oxford University Press.
13. Berkeley, G. (1978), *A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge*, wherein the Chief Causes of Error and Difficulty in the Sciences, with the Grounds of Scepticism, Atheism, and Irreligion, are Inquired into, in Berkeley, G., *Sochineniia*, Moscow: Mysl Publ., pp. 149–248. (In Russian)
14. Engels, F. (1961), Dialectics of Nature, in Marx, K. and Engels, F., *Sochineniia*, vol. 20, Moscow: Politizdat Publ., pp. 339–626. (In Russian)
15. Smorodinov, R. A. (2009), Triumphant Humism, *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniia*, iss. 6, no. 9 (57), pp. 16–20. (In Russian)
16. Erakhtin, A. V. (2014), The Problem of Matter in Western and Russian Philosophy of the Soviet Period, *Filosofii i obshchestvo*, no. 1, pp. 55–74. (In Russian)
17. Orlov, V.V. (2010), The Problem of Matter in Contemporary Russian Philosophy, *Filosofii i obshchestvo*, no. 3, pp. 22–39. (In Russian)
18. Fedjaev, A. P. (2014), Extraphysical reality as object existential analysis, *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, iss. 4-1, pp. 23–28. (In Russian)
19. Bazarov, V. (1910), Mysticism and realism of our time, in *Ocherki po filosofii marksizma. Filosofskii sbornik*, Moscow: Zveno Publ., pp. 3–71. (In Russian)
20. Dietzgen, J. (1941), Essence of head work of a man, in Dietzgen, J., *Izbrannye filosofskie sochineniia*, Moscow: OGIz. Gospolitizdat Publ., pp. 9–88. (In Russian)
21. Chernov, V. (1907), Marxism and transcendental philosophy, in Chernov, V., *Filosofskie i sotsiologicheskie etiuudy*, Moscow: Tipografiiia Russkogo tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela Publ., pp. 29–72. (In Russian)
22. Plekhanov, G. V. (1956), Once again materialism, in Plekhanov, G. V., *Izbrannye filosofskie proizvedeniia*, vol. 2, Moscow: Politizdat Publ., pp. 442–447. (In Russian)
23. Bogdanov, A. A. (2003), *Empiriomonism. Articles on philosophy*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
24. Bazarov, V. A. (1910), *On two fronts*, St. Petersburg: Prometei Publ. (In Russian)
25. Bogdanov, A. A. (2010), The Faith and the Science, in Bogdanov, A. A., *Padenie velikogo fetishizma. Sovremennyi krizis ideologii*, 2nd ed., Moscow: KRASAND Publ., pp. 142–220. (In Russian)
26. Hegel, G. W. F. (1970), *The Science of Logic*, vol. 1, Moscow: Mysl Publ. (In Russian)
27. Hegel, G. W. F. (1937), Preface to the second edition of "The Science of Logic", in Hegel, G. W. F., *Sochineniia*, vol. V, Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., pp. 6–18. (In Russian)
28. Kant, I. (1994), *Critique of pure reason*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)

Received: May 24, 2019

Accepted: December 29, 2020

Author's information:

Alexey V. Antonov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Doctoral Student; akvizit@yandex.ru